

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Часть 48

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2011

СООТНОШЕНИЕ КОНДИКЦИИ И РЕСТИТУЦИИ

Е.А. Бебенов

Правовое регулирование отношений, складывающихся вследствие исполнения недействительной сделки, осуществляется нормами гл. 9 ГК, а также нормами гл. 60 ГК, которые применяются субсидиарно¹. Такое решение оправдано с точки зрения юридической техники, но неизбежно порождает проблему соотношения кондикции и реституции.

Особый интерес представляет так называемая кондикционная модель, согласно которой признаки неосновательного обогащения имеют место во всех случаях приобретения (сбережения) имущества одним лицом за счет другого лица без достаточного правового основания и можно утверждать, что неосновательное обогащение является родовым понятием по отношению ко всем обязательствам возвратить такое имущество, в том числе и к реституционным правоотношениям². Действительно, с признанием сделки недействительной отпадает основание договорного обязательства, которое, по сути, становится внедоговорным кондикционным обязательством³. Таким образом, кондикция и реституция имеют в своей основе одну и ту же идею о недопустимости получения благ без должного правового основания.

Однако кондикционная модель не лишена и недостатков. Получение имущества по недействительной сделке неосновательно, но не всегда можно говорить именно об обогащении. Нельзя считать обогащением получение имущества по признанному недействительным и исполненному сторонами возмездному договору, в котором встречное предоставление равноценно предмету договора и фактически нет увеличения имущества одной из сторон. Закон же в такой ситуации предусматривает двустороннюю реституцию⁴.

¹ В литературе можно обнаружить противоположное мнение. Например: *Тукта-ров Ю.Е.* Требование о возврате полученного по недействительной сделке // Недействительность в гражданском праве: проблемы, тенденции, практика: Сб. ст. / Отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2006.

² Так или иначе, универсальность кондикции подчеркивается в работах А.Л. Маковского, А.М. Эрделевского, а утверждение о родовом характере кондикции не ново для отечественной цивилистики и впервые было озвучено С.Н. Братусем в 1939 г.

³ *Ипатов А.Б.* Отдельные вопросы применения последствий недействительности сделок // Юрист. 2002. № 8.

⁴ Странники кондикционной модели предлагают рассматривать двустороннюю реституцию как два кондикционных требования, осложненных взаимностью, что бесспорно

Следовательно, неосновательное обогащение может возникнуть при неравноценности встречного предоставления по недействительной сделке либо при одностороннем предоставлении. При этом возвращается косвенное неосновательное обогащение, а не прямое, которое охватывается реституцией¹. Кроме того, гл. 60 ГК регулирует последствия приобретения имущества по недействительной односторонней сделке (например, принятие наследства по недействительному завещанию). В указанных случаях субсидиарное применение норм о кондикции совершенно оправдано.

Обозначенная уязвимость кондикционной модели приводит некоторых авторов к идее о самостоятельности реституции, но такая постановка проблемы неизбежно вызывает вопрос о квалификации правовой природы реституционного правоотношения, которая не так однозначна, как обязательственная природа кондикции. Во-первых, реституционные правоотношения можно квалифицировать как обязательственные (такую позицию занял ВАС)². Во-вторых, реституционные правоотношения можно рассматривать как самостоятельный вид относительных правоотношений, существующих наряду с обязательственными (такой подход отражен в Концепции развития гражданского законодательства РФ и может быть подтвержден практикой)³. Последняя позиция на данный момент недостаточно разработана, хотя имеет под собой разумные основания⁴.

Наличие общей для кондикции и реституции идеи о недопустимости получения благ без должного правового основания и субсидиарное применение норм гл. 60 ГК к реституции все же не позволяют утверждать, что эти два института имеют общую природу. Кондикционная модель в рамках действующего законодательства не может решить всех обозначенных проблем. Установление соотношения кондикции и реституции осложняется также вопросом о месте рес-

но, хотя и преодолевает противоречие односторонности кондикции и взаимности реституции, но не устраняет несостоятельность утверждения об обогащении сторон взаимно исполненной недействительной сделки.

¹ *Ловаров Ю.С.* Вопросы соотношения реституционного и кондикционного требований // Журнал российского права. 2010. № 7.

² Постановление Президиума ВАС РФ от 8 февраля 2000 г. № 1066/99.

³ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 26 сентября 2003 г. № А56-34784/02.

⁴ *Скловский К.И.* Некоторые проблемы реституции // Вестник ВАС РФ. 2002. № 8.

титудционных требований в системе гражданских правоотношений, который не решен однозначно ни на уровне закона, ни в теории, ни в практике.

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ПРИ ОТПРАВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

А.А. Коваленко, Ю.Ф. Обровец

Имущественная ответственность государства и судей была предусмотрена еще древним русским правом. Так, А. Куницын, характеризуя раннее новгородское судопроизводство, писал: «Посадник, Тысяцкий и Наместник Новгородского Архиепископа, за медленность решения исков о недвижимой собственности, платили по 50 руб. серебром... Сверх того должны были удовлетворить истца за все, причиненные им, протори и убытки».

Во второй половине XVI в. жалующийся на судебное решение был обыкновенным истцом, который подвергал судью взысканию, если выявлялась его виновность, иначе с жалобщика брали штраф «сверх его вины». Позднее, в эпоху же Петра I, разрешалось с государевых должностных лиц в партикулярных спорах «искать с них судом, где надлежит», по правилам, установленным в «Кратком изображении процессов или судебных тяжб» 1715 г. Однако после смерти Петра этот порядок был отменен.

На рубеже XVIII и XIX вв., по утверждениям А.Н. Фатеева, «чтобы побудить судей, находящихся в таком «беззаконном положении», к беспристрастию ... существовало правило, по которому судьи за каждую в высшей инстанции отмену их решения подвергались штрафу от 5 до 10 процентов исковой суммы. Губернские судебные учреждения, как апелляционная инстанция, присуждали к штрафу в подобных случаях членов уездных и надворных судов, как суда первой инстанции, а сенат, в свою очередь, как третья инстанция, присуждал к штрафам членов губернских судебных палат, в конце концов все это падало на самих тяжущихся».

Пореформенное дореволюционное законодательство второй половины XIX в. более четко и подробно описало механизм привлечения должностных лиц судебного ведомства к всякого рода юридиче-